

Василь Быков

**Полюби меня,
солдатык...**

ФТМ

Василий Быков

Полюби меня, солдатик...

«ФТМ»

1996

Быков В. В.

Полюби меня, солдатик... / В. В. Быков — «ФТМ», 1996

Писатель Василь Быков – участник Великой Отечественной войны, которая определила темы, сюжеты и выбор героев его произведений. Повести его прежде всего – о человеке, пытанном ледяной водой болот, мокрой глиной окопов, пустотой леса в ничейной полосе, неизвестностью исхода войны, соблазном бессилия, безнадёжности, отступничества, бесконечностью раскисших дорог... «... Как всегда на фронте, спасу от немецких мин не было нигде – ни в поле, ни в лесу, ни в городе. Разве что в земле. Но в земле мы уже насиделись за зиму, а тут в Австрийские Альпы пришла весна, на пустыре зеленела усыпанная лютиками трава, в палисадниках зацвела сирень, днем пригревало солнце. На душе посветлело, даже становилось радостно от предчувствия молодой, бездумной удачи. Особенно когда тебе уже перевалило за двадцать и впервые за войну появилась надежда выжить. А сегодня вдобавок попался под руки велосипед, на котором не катался с детства. Из-за оснеженных хребтов вынырнуло утреннее солнце, слепящими лучами неожиданно ударило в глаза, дорога метнулась в сторону, колесо – в другую, и я с разгона загремел на мостовую. Превозмогая боль в колене, поднял голову и увидел рядом людей. Плотно пригнанные к уцелевшей стене дома, стояли две командирские машины – американский «Виллис» и трофейный «Хорх», возле которых, удивленно уставившись на меня, замерла группа офицеров. Конечно, это было начальство. «И когда их принесло сюда?» – недоуменно подумал я. Тихо ругнувшись, стал не спеша подыматься. Торопиться уже не имело смысла, я отчетливо сознавал, что влип, и думал только о том, как бы скорее пережить малоприятную встречу. – Посмотрите на него! – прозвучало издевательским командирским тоном. – Он думает, что война уже кончилась. Немцы не успели застрелить, так он сам на рожон лезет...»

© БЫКОВ В. В., 1996

© ФТМ, 1996

Содержание

Василь Быков	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Василь Быков

Полюби меня, солдатик...

Война стремительно катилась к финалу, наши уже взяли Берлин, а мы остановились перед немецкой обороной, за небольшим австрийским городком, и третий день не могли сдвинуться с места. Немцы изредка постреливали из орудий и минометов, и тогда среди аккуратных старинных домиков взметались пыльные клубы разрывов, вдребезги разлеталась красная черепица крыш. Если бы не черепично-кирпичные обломки, густо усеявшие асфальт, было бы истинным удовольствием катить на велосипеде вниз – от поворота к длинному полуразрушенному дому, за которым возле речушки стояли наши орудия. Вообще было рискованно. Хотя пули с недалекой передовой сюда не залетали, но залетали мины. Как всегда на фронте, спасу от немецких мин не было нигде – ни в поле, ни в лесу, ни в городе. Разве что в земле. Но в земле мы уже насиделись за зиму, а тут в Австрийские Альпы пришла весна, на пустыре зеленела усыпанная лютиками трава, в палисадниках зацвела сирень, днем пригревало солнце. На душе посветлело, даже становилось радостно от предчувствия молодой, бездумной удачи. Особенно когда тебе уже перевалило за двадцать и впервые за войну появилась надежда выжить. А сегодня вдобавок попался под руки велосипед, на котором не катался с детства.

Из-за оснеженных хребтов вынырнуло утреннее солнце, слепящими лучами неожиданно ударило в глаза, дорога метнулась в сторону, колесо – в другую, и я с разгона загремел на мостовую. Превозмогая боль в колене, поднял голову и увидел рядом людей. Плотно пригнанные к уцелевшей стене дома, стояли две командирские машины – американский «Виллис» и трофейный «Хорх», возле которых, удивленно уставившись на меня, замерла группа офицеров. Конечно, это было начальство. «И когда их принесло сюда?» – недоуменно подумал я. Тихо ругнувшись, стал не спеша подыматься. Торопиться уже не имело смысла, я отчетливо сознавал, что влип, и думал только о том, как бы скорее пережить малоприятную встречу.

– Посмотрите на него! – прозвучало издевательским командирским тоном. – Он думает, что война уже кончилась. Немцы не успели застрелить, так он сам на рожон лезет...

На мою беду, это был командир нашей противотанковой бригады – приземистый, с бычьей шеей полковник, отменный крикун и матерщинник. В бригаде к нему относились двояко – посмеивались и боялись. Впрочем, больше боялись, так как посмеиваться было небезопасно, тем более что почти о каждой попытке такого рода ему становилось известно. Остальные офицеры молчали. Поставив ногу на бампер «Виллиса», рассматривал разостланную на капоте карту знакомый подполковник из штаба бригады, возле него стоял майор в самодельной цвета хаки фуражке. Этот последний со снисходительной, едва заметной улыбкой молча наблюдал за мной.

– Виноват, – промычал я, морщась от боли в колене. Рукав гимнастерки оказался разорванным на локте, и я слегка отвернул велосипед, чтобы оказаться к ним боком.

– Где твое подразделение, лейтенант? – рычал комбриг.

– Вон орудия, – неожиданно тонким голосом ответил я, кивнув в сторону орудийного расчета в сотне шагов от дороги. И смутился еще больше: солдаты, вытянув шеи, все как один с любопытством наблюдали за попавшим в переплет взводным.

– Чей велосипед? Ворованный?

– Никак нет. Трофейный.

– Какой трофейный? Ты что, его в бою взял? – не унимался комбриг, которого с готовностью поддержал подполковник:

– Типичный пример грабежа транспортных средств. Есть же постановление военного совета...

Не дослушав, комбриг отрезал:

– Мне мародеры не нужны! Сейчас же возвратить велосипед! Туда, где взяли!

– Есть! – уныло вымолвил я, однако с облегчением, потому что разговор вроде подошел к концу. Прихрамывая на ушибленную ногу, повел велосипед вдоль забора лесопилки к огневой позиции взвода.

Где взяли этот велосипед, я знал. Вчера батарейный санинструктор Петрушин в то время, как солдаты окапывали орудия, порыскал по соседним дворам и из недалекого коттеджа притащил этот велосипед. Сам покатался недолго, несколько раз упал и отдал велосипед солдатам. Вчера на нем недолго покатались ребята из огневого расчета, а утром велосипед подхватил я.

Я привел велосипед на огневую позицию. Возле панорамы 76-миллиметрового орудия, как всегда, дымя самокруткой, сидел наводчик Степанов; другие двое солдат сидели на бровке рядом. Командир орудия сержант Медведев, накрывшись с головой палаткой, спал на траве за бруствером. Правильный Кононок, скучающе поглядывая в тыл, жевал кусок хлеба. Солдаты ждали завтрака, который обычно приносили с батарейной кухни. Еще на рассвете туда отправились двое с котелками, но до сих пор не вернулись – наверно, вышла какая-то неуправка у старшины. Было тихо, впереди в городке пока не стреляли – немцы тоже, наверное, завтракали. В ожидании прорыва немецких танков батарея занимала противотанковый район позади пехоты, огня не вела. Но, по всей видимости, немцам уже было не до прорывов, дай бог сдерживать наши прорывы. Хотя иногда довольно зло огрызались. Как весной под Балатоном, где они прорвали наш фронт и километров на пятьдесят отбросили нашу пехоту. Тогда противотанковый полк потерял почти все орудия и много людей.

– Кононок! – окликнул я молодого солдата. – Отведи велосипед вон в тот домик.

Как всегда, когда к нему обращались, Кононок смущенно заулыбался, потом глянул в сторону серого кубика коттеджа, уютно пристроившегося под горой за речушкой.

– Ничего себе домик. Дворец!

Ну, не дворец, конечно, но весьма приличное двухэтажное строение с двумя красивыми елями по обе стороны от входа. Заросли плюща, густо расползшегося по фасаду и уже зазеленевшего первой листвой, почти скрывали несколько узких окон. Позади коттеджа высились кроны старых деревьев, из которых выглядывала красная крыша с небольшой остекленной башенкой на правом углу. Судя по всему, хозяин коттеджа был не бедный австриец.

Через узкий деревянный мостик Кононок покатил велосипед к коттеджу. Возле запертой калитки остановился, негромко окликнул кого-то. Тотчас в дверях показалась маленькая издали фигурка женщины в брюках, она живо приблизилась к калитке. Минуту они вроде как беседовали о чем-то – хотя о чем мог беседовать Кононок, знавший едва ли десяток слов по-немецки, подумал я.

– Ты смотри! – насмешливо протянул Степанов. – Наш тихоня уже за немочкой приударяет.

– Не за немочкой – за австриячкой, наверно. И правда, ничего себе девочка! – высунувшись из ровика, одобрил черноусый телефонист Муха.

Я взгляделся попристальнее – в самом деле, девушка казалась весьма привлекательной. Она приняла у Кононка велосипед и, тряхнув головой с коротко стриженными волосами, направилась к дверям. Кононок, однако, все продолжал спрашивать о чем-то, и она на ходу отвечала, пока не скрылась за елями у входа.

Оглянувшись на дорогу, я увидел, что машины по-прежнему стояли под полуразрушенной стеной дома. Офицеры сгруппировались над капотом «Виллиса», кроме одного, который изредка поглядывал в нашу сторону, – не тот ли добродушный майор в самодельной фуражке, подумал я. В это время из ровика послышался тонкий звук зуммера и высунулась голова телефониста Мухи.

– Комбат, товарищ лейтенант!

Соскочив в ровик, я взял трубку. Комбат спрашивал, сколько у меня на огневой снарядов – отдельно бронебойных, отдельно осколочных. Я ответил, что сперва надо сосчитать, потом доложу. Вопреки обыкновению комбат не настаивал и словно между прочим заметил:

- Там где-то первый возле вас. И особист.
- Вижу. Стоят на дороге.
- Как поедут, звякни – куда.

По-видимому, это и было главной заботой комбата – куда направится комбриг? Я положил трубку и вылез из ровика. Машины стояли на прежнем месте, но офицеры отошли от «Виллиса», и добродушный майор в фуражке уже не поглядывал в нашу сторону. Похоже, это и был наш бригадный особист, начальник Смерша. До сих пор я нигде не встречал его, возможно, он в бригаде недавно. Нашего полкового смершевца мы знали хорошо, парень он был компанейский, частенько навещался в батареи, охотно общаясь с офицерами, особенно в обороне, на маршах и формированиях. В подходящую минуту был не прочь осушить фронтовую кружку и даже что-нибудь спеть из популярного репертуара. В полк прибыл осенью прошлого года, почти в одно время со мной, и уже получил два ордена, а за что – разумеется, не нашего ума дело. У этих ребят особые заслуги.

Машины с офицерами покатали по дороге в тыл, надо было предупредить комбата. Батареи в этой горной долине размещались в несколько эшелонов на одной дороге. Комбаты, понятное дело, следили за неурочным перемещением комбрига и, чтобы не оказаться застигнутыми врасплох, сообщали о нем друг другу. Начальства, как и противника, следовало остерегаться на войне. Я влез в тесный ровик и позвонил комбату, а как выбрался на поверхность, Кононок был уже на огневой. Его улыбочное лицо сияло в радостном оживлении, и это бросилось в глаза нашим зубоскалам.

- Ну, договорился? Когда побежишь?
- А может, он ее сюда приведет? В гости.
- Кононок, не обращая внимания на шутки, направился ко мне.
- Там землячка ваша, товарищ лейтенант.
- Какая землячка?
- Из Белоруссии, говорит.
- Из Белоруссии? – удивился я.

– Ну, – только и ответил немногословный Кононок. По всей видимости, он и сам ничего больше не знал.

Мной овладело сомнение. Откуда ей взяться, землячке, за тысячу километров от Белоруссии, в самом конце войны? Наверное, здесь какое-то недоразумение, подумал я.

И тем не менее эта новость чем-то взволновала меня.

Дело в том, что земляки не часто мне попадались на войне, за два года на фронте я встречал их, может, человек пять, не больше. Оно и понятно: мой путь пролегал в стороне от Белоруссии, в полку белорусов, кажется, никого больше не было. Однажды, прослышав, будто начальник ГСМ – белорус, при случае спросил у него, откуда он родом. Оказалось, не из Белоруссии, хотя его акцент очень походил на белорусский. Я был разочарован. Очень хотелось встретиться с земляком, вспомнить знакомые обоим места, узнать что-либо о людях, может, и об общих знакомых, а то и родственниках, связь с которыми прервалась у меня в начале войны.

...Война войной, но все-таки надо было зашить рваный рукав. Тут вертелось начальство, и я не стал снимать гимнастерку, попросил у Кононка иголку, которую тот с готовностью вынул из своей зимней шапки. Только намерился зашивать, как сзади заухали наши гаубицы, в небе, разрезая тугой горный воздух, с шорохом пронеслись тяжелые снаряды. Немного погодя в другой стороне глухо загавкали немецкие минометы – эти, как и вчера, стали бить по городку. Между крыш и деревьев тут и там взметнулись вверх пыльные разрывы мин – две из них разорвались по соседству с нашей лесопилкой.

– А ну всем – в ровик!

Прижавшись друг к другу, мы замерли в узком ровике; на огневой возле орудия, как всегда, остался наводчик Степанов. Взрывы сотрясали окрестности, вдребезги разносили черепичные крыши, уродовали фасады, деревья, отполированную брусчатку мостовых. Неизвестно, сколько продлится этот обстрел, обеспокоенно думал я, если только это обычный обстрел, без какого-либо движения пехоты. Если же поднимется пехота, будет хуже, возможно, и нам придется включиться в огневой бой.

– Обормоты! – недовольно ворчал телефонист Муха. – Не дадут и позавтракать...

Завтрак действительно задерживался, не пришлось бы завтракать во время обеда. Как позавчера. Тут, в Австрии, совсем не то, что месяц назад в Венгрии, когда мы мало думали о кухне. Там в каждом доме можно было добыть кусок ветчины, круг колбасы, буханку белого хлеба. Да еще бутылка вина в придачу. В Австрии же с продовольствием оказалось туговато, сами австрийцы сидели на карточках и, в общем, голодали. Мы же питались исключительно заботами интендантов.

Обстрел длился около часа; стреляли наши артиллеристы и немецкие. Однажды рвануло на дороге, возле полуразрушенного дома, где утром стояли машины, – горелой вонью потянуло в сторону речки. И мною вдруг овладело беспокойство: как бы не угодили в коттедж! Враз могли испортить всю эту красоту – плод трудов и забот, может, не одного поколения. Между тем по ту сторону городка, на передовой, вроде все было тихо, пехота молчала, значит, атаки не предвиделось. Можно было немного расслабиться, оглядеться, и я выбрался из ровика. Возле наводчика Степанова уже сидел командир орудия Медведев – не в лад с собственной фамилией костлявый и тощий сержант с узким староватым лицом. Обстрел прервал его утренний сон возле бруствера, и сержант недовольно морщился.

– Какого черта! – выругался он, когда рвануло поблизости, кажется, за оградой лесопилки. – Зажгут, будет вонять до вечера.

– И без того вони хватает, – сказал наводчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.